

ВИКТОР ЗАЙКОВ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Стреляйтесь сами, Мазепа

Виктор Зайков
Стреляйтесь сами, Мазепа

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Зайков В. В.

Стреляйтесь сами, Мазепа / В. В. Зайков — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

В основу повести вошли реальные исторические события, произошедшие в губернском Тобольске на излёте первой русской революции 1905-07гг. Боевая организация социалистов-революционеров вынесла и привела в исполнение смертный приговор смотрителю пересыльных каторжных тюрем полковнику Богоявленскому, проявившему крайнюю жестокость при подавлении во вверенных ему узилищах бунта политических заключённых. Содержит нецензурную брань.

Боже, как всё верно. Не определяющие судьбу и часто жалкие по своей сути земные страсти, оказывается, непостижимым образом накладывают отпечаток на многие промыслы людей, их сознание, сам образ жизни. Страсти эти липнут и отвлекают. Подчиняют и унижают. Но как бывают они сладостны и утешны. И сил, порой, никаких отказаться.

Вот, ротмистр Мазепа – жандарм и знаток политического сыска, человек основательный и семейный, любил потчевать себя цирком. Чудил? Ну, что вы! Он ходил на представления с участием акробатов, наездниц, эквилибристок – всех этих грациозных искусниц и чаровниц – совершенно осознанно, но совсем не потому, что был тонким ценителем вольтижировки и разных там сальто-мортале. Не ловкостью, изяществом и молодостью восхищали его манежные дивы, а умением преподносить плоды своей тяжёлой работы так, что вокруг разливался праздник. Где такое ещё увидишь? Не в полицейском же участке! И к презрительной болтовне эстетов, что де цирк есть искусство низкое, изобретённое исключительно для черни, Мазепа относился с недоумением. Хотя в полемику ни с кем не вступал и пренебрегал обязанностью отвечать на глупое зубоскальство коллег, подметивших, что почти вся секретная агентура их охранного отделения носила откровенно балаганные клички – «Клоун», «Факир», «Жонглёр»...

Нынешней же ночью затребовал он к себе на частную квартиру ещё и платных «штучников» – «Самсона» с «Трапезией». («Штучники» – это осведомители, доставляющие сведения хотя бы и постоянно, но за плату, за каждое отдельное своё поручение). Два часа Иринарх Гаврилович поочерёдно их едко отчитывал, брезгливо помня о невозможности поступиться принципами, иначе надавал бы обоим тычков – было за что.

Буквально накануне, заглянув в чайную Попечительства о народной трезвости, где подвизалась распорядительницей его давний «милый друг» мадам Жирмунская, он нарвался там на плевок, испачкавший ему мундир и карьеру. Об испорченном ужине и вспоминать не хотелось.

...Белые нервные пальцы хозяйки перебирали струны гитары. Тонко сервированный стол и продуманно приглушённый свет уютного кабинета намекали на особое расположение к гостю, звали освободиться от всяких условностей. Как хотелось в этот вечер стареющему бонвивану по-юношески увлечься, потерять голову, почувствовать себя счастливым. Но, надо же, без стука, по-хамски в двери вдруг задёргалось испуганное лицо полового: «Ваше высокородие, там...» – и исчезло. Мазепа раздражённо бросил на тарелку шейную салфетку, вышел из кабинета. Постоял минуту, оглядывая пустующий общий зал заведения. В чём дело? И тут заметил, как из библиотеки выскользнул клещеногий мужичонка в шапке «буфетке». Чиркнул спичкой – закурить, видимо, хотел. Но вдруг взвизгнул как-то по-заячьи – то ли пальцы огнём обожгло, то ли офицер в голубом кителе чёртом ему показался.

– Эй, заплатник, – поманил его пальцем ротмистр.

Но тот не подчинился, живо сдвинул шапчонку на нос и ловко сунулся обратно за дверь. «Что тут происходит?» – зашагал Иринарх Гаврилович через залу. И вот он – плевок. Дверь из читальни – настезь. Из полутьмы навстречу Мазепе – брань и серые фигуры,двигающие локтями. Смяли. Только морозный пар у входа да запоздалая трель свистка городского. Неслышанно! Но самое скверное: он – начальник охранного отделения жандармского управления – и на грязном полу, а над ним мадам Жирмунская руки заламывает.

«Р-ракалы!» – замотал ротмистр головой, отгоняя постыдное видение. Встал из кресла, подошёл к «Самсону».

– Это я не вам, голубчик, хотя вы тоже заслуживаете быть наказанным. Если к четвергу фамилии негодяев, свивших гнездо в чайной на Пречистинской не станут явными мне, обещаю: жалкое ваше существование меня интересовать перестанет. А вы, Татьяна Андреевна, – после ухода «Самсона», невежливо задышал в лицо «Трапезии», – расстарайтесь любезно воз-

обновить отношения со своим бывшим антрепренёром господином Алымовым. Не забыли ещё такого? Прекрасно. Есть сведения, что этот фигляр – ба-альшой симпатизант социалистов. И цирк свой использует не только для развлечения публики. Тобольск – городок никудышный. В нём трудно что-либо утаить. Особенно от нас. Но некоторые круги общества – вы понимаете, о чём я говорю? – как-то выпали из нашего поля зрения. Мы не знаем, какие в них царят настроения, на кого молится нынче богема. А знать бы хотелось. Особенно сейчас. Подумайте над моим предложением и своим будущим.

* * * *

– Что-то случилось? – встретил Танечку вывесочный живописец Палестин, в чулан которого она постучала после нервной встречи с Мазепой.

– Ротмистр вызывал, – уклонилась от поцелуя барышня и огляделась, – Где у тебя тут присесть можно, я бы сейчас папиросу выкурила.

Палестин смахнул пыль со старенького стула.

– Садись сюда. А вот папирос как раз и нет, кончились. Но я могу к Алымову подняться.

– К какому Алымову? – изумилась Танечка.

– Тому самому. Из цирка. Он вчера вечером к соседке моей сверху, титулярной вертихвостке Жирмунской заявился. С чего бы это, как думаешь? О ней же слухи по городу ползают, ну всякие такие разные слухи.

Танечка как-то отстранённо спросила:

– Ты-то откуда Алымова знаешь?

– Так он за полночь вдруг спустился ко мне, представился и пригласил присоединиться к их обществу. Ей богу, раньше никогда с ним не встречался. А тут... в карты всю ночь играли, вино пили. Ты думаешь, надо было отказаться?

Палестин хотел ещё что-то добавить, но осёкся. За тонкой стеной комнатухи, увешанной небрежной кисти пейзажами, послышался раскатистый властный голос, требующий впустить алчущего объятий Бахуса отставного штабс-капитана Алымова немедленно. Танечка побледнела и прошептала: «Ни-ни». Но Алымов уже восшествовал. Важно неся породистое лицо с тонкими, «щёлочкой», усиками и умными глазами, он прошёл к столу и, не спрашивая разрешения, свалил на него несколько увесистых свёртков: «Вот, это вам, мой дивный знакомец и любезный художник. Ночью за картами вы столь внимательно меня понимали, что я проникся к вам симпатией, граничащей даже с некоторой влюблённостью. Поверьте, людей, умеющих молча поддерживать беседу, сегодня уже и не встретишь». Алымов довольно потёр руки, повернулся по-военному – всем корпусом сразу – и встретился взглядом с Танечкой. Брови его поползли вверх.

– Да, это я, Цезарь Юльевич, здравствуйте.

Алымов замешался, но подошёл и поцеловал ей руку.

– Неожиданно. Весьма неожиданно. Ожидал увидеть вас где угодно, но здесь!

– А что тут загадочного? Палестин – мой близкий товарищ. Мы с ним единомыслители по убеждениям. Встречаемся, разговоры плетём.

– Вот как! Значит, тут замешана политика? Это меняет дело. Мне всегда нравились карбонарии и рыцари без страха и упрёка. Хотя, – он театрально обвёл рукою убранство клетухи, – Я проник в эту вашу конспирацию отнюдь не с целью поделиться с вами раздумьями о переустройстве мира. У меня томление духа по другому случаю. Татьяна Андреевна, помогите хозяину хоть как-то сервировать стол. Там в пакетах есть всё нужное, даже бокалы.

Усевшись за стол, Цезарь Великий, как за глаза звали его в труппе цирка, ловко открыл бутылку шампанского. Не замечая сползающей на скатерть пены, разлил напиток.

– Сидеть будем плотно, – предупредил твёрдо и показал пальцем на потолок, – Вера Феоктистовна упорхнула по казённой надобности, дай бог, до вечера. Ваше здоровье, – выпил и подцепил на вилку маринованный груздь.

Танечка смотрела на гостя, не отрываясь. Ей вспомнился Алымов трёхлетней давности – барственной сытости брюнет, сухо принявший от неё рекомендации одной влиятельной особы, просящей «любезного друга» не оставить своими заботами юное существо, мечтающее расцвести и состариться на арене, без особых, однако, к тому талантов. Цезарь Юльевич определил её тогда, жалея, в конный аттракцион – чистить лошадей. Танечка исправно ухаживала за редкой стати «аргамаками». А ночами в сговоре с печальным выпивохой, ковёрным клоуном на подмену Бимом, разучивала свой номер, могущий, по их замыслу, сорвать такой аплодисмент, какому бы позавидовала сама Улыбова – «тигрица дрессуры и женщина без нервов» – как кричали о ней афиши и разносчики газет. Алымов, узнав, тайные репетиции не просто не одобрил, говорят, был взбешен. Брандмейстер Закладьев шепнул Танечке по секрету о решительном намерении Цезаря вычистить конюшни от заговорщиков, а Бима упрятать в инфекцион палату, дабы не разносил заразу своевольства по его вотчине. Всё могло обернуться плохо. Закончилось же ещё хуже. Бим пришёл на последнюю перед показом репетицию с «прозревшими веждами». Не сдержал слова, принял где-то «на грудь». При сборке лёгкой конструкции, на вершинном пяточке которой Танечка должна была крутить свои сальто, он бездумно сунул крепёжный штырь не в то отверстие. Танечка покалечилась.

– Татьяна Андреевна, я рад видеть вас снова, – вернул её из далёкого Алымов, – После той страшной трагедии в цирке, вы куда-то надолго пропали. Как складывались ваши обстоятельства? Вы сейчас вполне ли здоровы?

– Спасибо, у меня всё хорошо. Я нашла себя в другом деле. А вот у вас, я слышала, не всё как-будто бы ладно. Представления в цирке стали идти с большими перерывами. Отчего? Хорошо бы только мы, но недовольны любители во всём городе. Мы ждём ваших оправданий.

– Ах, публика, я её понимаю. До наших трудностей ей мало дела. А мы замахнулись на готовку новой программы, – Цезарь немного помолчал, – Но, увы, не рассчитали силы. Реквизит надо везти издалека, да и дерут за него втридорога, актёры в провинции работать не хотят, капризничают, требуют и славу, и деньги сразу. Ну и, потом, вы же сами видите, что творится в губернии. Крестьяне жгут помещиков. Кругом неповиновение и саботаж. Пишут, что и в столицах пролетарии после разгона советов продолжают не только громить магазины, но и в казаков стрелять! Власти растеряны. Революция! До цирка ли тут? Кстати, вы что-нибудь слышали о драме в здешних каторжных тюрьмах? Слухи носят самые невероятные: бунт, усмирение, десятки погибших кандальников. Смотритель тюрем Богоявленский выказал публике зубы дракона: несчастных узников, говорят, добивали прикладами прямо в камерах.

– Да, мы знаем об этом злодеянии. И знаем также, что Богоявленский заслуживает смерти, – быстро и решительно ответил Палестин, – Вы, Цезарь Юльевич, согласны с нами?

Алымов откинулся на спинку стула, достал из жилетки дорогой работы «брегет», щёлкнул крышкой: «Давайте-ка, друзья, я схожу ещё за шампанским, а потом и сверим наши симпатии».

Наблюдая в окно за широко шагавшим по мостовой Цезарем, Палестин упрекнул Танечку, да и себя тоже, в излишней откровенности перед мало знакомым человеком:

– Ох, не похвалит нас товарищ Елисей, говорим много лишнего. Шпики кругом, доносчики. Циркач этот, конечно, человек обходительный, но кто знает, что у него на уме?

– Успокойся. Цезаря жандармы тоже на подозрении держат. Что они против него имеют – не знаю, но Мазепа сегодня плевался, говоря о нём. Требовал, чтобы я опять сошлась с цирковыми и доносила об их настроениях. Ой, чую, плохо всё это кончится. Ну, да ладно. Вот что, дружочек, я сейчас уйду. Встретиться обещала с рабочими из Пароходного товарищества. А ты поговори с барином осторожно: не согласится ли он помочь нам с оружием. Сюда больше

не приду, кто знает, может, за Алымовым уже и слезка идёт? Поэтому, если что-то надо будет, найдёшь меня у моей бабушки. Адрес не забыл? А послезавтра к восьми вечера приходи на Леонтьевский ручей. И прошу тебя: не опаздывай. Пароль тот же.

* * * *

В лавке купца Босоногова неприлично брюхатели на полках заморской выдувки бутылки, сплошь нарядные, с крутым оплечьем, дорогие. За их парадным, благородного стекла фасадом плескалось солнце виноградников Прованса и Мозеля, благоухал букет ароматов Калабрии и Араратской долины. Алымов даже растерялся:

– Братец, поведай-ка мне, сиволапому, какими путями в наш городишко попал сей ценный погребок?

Из-за стойки посмотрел жёлтыми глазами болезненного вида малый, коих на Руси частенько называют «оглоблями»:

– Извиняйте, ваше превосходительство, за знанья жалованье нам не прибавляют.

– Хорошо ответил, нахал, цену. Только в чине меня не повышай, я человек маленький. Заверни-ка для начала вон ту без портрета и скажи: мальчишка для посылок имеется?

– Как же, содержим-с. Тимофей Егорыч! – крикнул приказчик.

Выскочил чистенький белоголовый отрок. Увидев господина в шубе, какие носят одни миллионщики, разинул рот.

– Принеси перо и бумагу, – скомандовал ему Цезарь, – и быстро набросал несколько строк на листе, тут же очутившемся на прилавке, – Снесёшь в 24 номер «Ямской». Вот тебе пятак. А ты, остряк толковитый, – улыбнулся «оглобле», – Приложи к заказу ещё парочку «Тенерифе» и передай хозяину мой гросс-комплимент.

– Как изволите откомендовать вас?

– А никак, сам догадается.

Приказчик упаковал вино, отсчитал гостю сдачу, вышел проводить его на улицу и мёрз, пока тот не скрылся в парадном подъезде находящегося недалеко от лавки дома екатерининских лет ещё постройки. Потом, уже за стойкой, вспомнил, как утром от того же подъезда на скромной «шарманке» отъехала разряженная фифа Жирмунская. «Надо удивить господина ротмистра», – подумал и недобро посмотрел в окно.

Однако он более бы удивился сам, послушав картинно трагическую, с налётом экзальтации, хмельную исповедь своего недавнего визави, которую тот выплёскивал сейчас на размякшего от вина Палестина. «Вся моя скорбь проистекает из людских страданий и неумеренной глупости властей. А поскольку первое есть следствие второго, то туза следует бить «шестёркой», – пальцы Алымова выбили дробь на столе, – Это по поводу моих симпатий к Божоявленскому. Но такой расклад невозможен по причине, так сказать, разности физических величин. Что тогда остаётся? Правильно, друг мой, пить и плакать. Есть, правда, и другая постановка. Вы, случайно, не знакомы ли с фортификацией? И, слава богу. Хотя это тоже искусство, и весьма занимательное. Я, штабс-капитан в отставке, когда-то от скуки весьма им увлёкся и даже подумывал об академическом образовании. Мои соображения о применении полузабытых циркумвалляций во фланговых операциях под Ляояном даже рассматривались в ряде штабов. «Станислава» 3-й степени мне пожаловали. Но недурственную, по-моему, идею как, впрочем, и значительную часть Маньчжурской армии, угробили, идиоты».

Цезарь помолчал, грузно облокотился на стол и, как будто извиняясь, протянул:

– Я тогда, как обманутая девка, загрузил, перегрузил и утешился, решив проверить надёжность сих укреплений только уже на себе.

– Эт-то интересно, – икнул Палестин.

Алымов потянулся к бутылке, повертел её в руке и неожиданно спросил:

– Вы давно любовались коллекцией вин Босоногова?

Юноша пожал плечами.

– Приказчик, – продолжал глядеть на бутылку Цезарь, – Где я раньше мог видеть его рожу? А ведь она, мнится, мелькала в деле неприятном для меня. Старею, однако-с. Но продолжим. Однажды, будучи совершенно здоров, я забрёл в аптеку за не помню какой мелочью, а вышел оттуда больным. Оказывается, в сей обители врачевания и милосердия можно без труда приобрести яды и химикалии. Но самое поразительное – элементы, из которых при известном желании нетрудно составить динамит! – Алымов многозначительно посмотрел на собутыльника, – Вот вам и двери кованые, вот вам и стража при них, думал я, воротясь домой. Зачем бить мозоли, возводя вокруг себя аршинной толщи стены, коли любой, пьяной отваги булдыжник бросит снаряд и ваш жалкий мирок развалится на осколки. Я оставил свою затею. Глупо.

Какую затею, Палестин так и не понял. Равнодушно позёвывая, изменившимся, однако, голосом спросил: – Господин управляющий, а где злодеев отравой снабжают? Не у Сенной ли площади случайно?

– Другого вопроса я и не ждал. Возьмите, – Цезарь Юльевич положил на стол несколько ассигнаций, – Провизора зовут Арон Самойлович. На улице Сибирской его знают все. Но, мой вам совет: сходите лучше в Чёрную слободу. Именно. В магазинах-то оружием нынче не торгуют. Запрет-с. А ловкачи да барышники за милую душу предложат вам игрушку менее опасную и более надёжную, чем гремучая смесь. Слышал я про одного такого дельца. Болдырем, кажется, зовут. Вот его и найдите. А про разговор наш забудьте. Не было его.

* * * *

Около двенадцати часов пополудни из 24-го номера гостиницы «Ямская» вышел человек сразу и не скажешь какого возраста. Запахивая на ходу крашенную крушиной шерстяную шинель на меховом подкладе, он неспешно спустился лестницей в нижний этаж. Там к нему сразу прилепился прилизанный коридорный, ловко подхватил протянутый ключ, шепнул угодливо, что «экипаж их давно дожидается», и кинулся, опережая, к входной двери. Отъезжающий, наткнувшись взглядом на собачьи преданные глаза служителя, гадливо махнул перчаткой: «Не мешай». И лакей сник, обидчиво шмыгнул носом.

Выйдя на крыльцо гостиницы, господин в шинели обозрел поданную ему «карету» – узкие сани с верхом, возницу, согнувшегося на козлах почти у самого крупа саврасого мерина, и воскликнул недовольно:

– Поедем далеко, а ты одет с прорехами.

– Мы привычные, – даже не обернулся кучер.

– Ты меня не понял: поедем очень далеко, – повысил голос подошедший.

– Так што, впервой што ли?

– Ну, гляди, – усмехнулся господин, назвал место, куда надо ехать и забрался в холодное чрево возка.

За городом, бойко проскочив пару вёрст печально известным каторжанским трактом, влетели в рыхлую осыпь малоезженной просеки. Лошадь начала всхрапывать, увязая в снежном крошеве.

Вознице ударами кнута и глухой бранью какое-то время удавалось заставлять её тащить сани, но скоро он и сам обессилел, натянул вожжи.

– Спите? – обернул потное, широкоскулое лицо к седоку, – Вертаться надо. Здесь, однако, ночами волки хороводы водят. Не отобьёмся.

Господин вылез из возка, покачал головой:

– Н-да, а в имение мне позарез как нужно. Есть туда другая дорога?

– По реке можно, однако. Но от неё всё равно никак. Страсть как снегу много. И сейчас, гляди, – мужик поднял кнутовище вверх, – Метель идёт. Вертаться надо, ваш благородиё, страшно.

– Хорошо. Выбираемся на тракт. Оттуда попробуешь рекой к Царской засеке выехать, а там я пешком дойду.

– Не буду ходить туда, господин офицер, лошадку жалко.

– Дурак, три рубля плачу, экие для тебя деньжищи!

Чёрные створки рта кучера дрогнули в заиндевелой бороде, по щеке скользнула слеза:

– Не невольте, барин, детки у меня, помёрзнем здесь до смерти.

– Становись к запяткам и рви сани сзади, я с уздой сам управлюсь, – зашипел господин и сунул под кушак возницы дуло тяжёлого «Смит и Вессон».

Небо на глазах темнело, крылось седыми космами, нижние концы которых уже цеплялись за верхушки елей. Стал постанывать лес.

«Наддай!» – зычно разносилось по округе. «Шайтан тебя раздери», – шепталось за кибиткой.

– Раскачивай, раскачивай! – орал встрёпанный, потерявший фуражку седок, – Влево, влево выдёргивай. Стой! Теперь вправо давай!

Отдохнув, начинали снова. Матерились, скрежетали зубами. И били, били измотанную лошадь. Мужик заплакал, когда в снежной замяти выяснились вдруг сбившиеся табором сани. Знал по опыту: направляющийся в город обоз, опасаясь быть разорванным метелью, станет здесь на ночёвку. Вон, и костры уже дымят, люди спуют. Повезло, кажется.

– Поди, поищи хлеба и выпить чего, – сунул деньги вознице офицер, – Согреемся и дальше двинемся.

Однако возок больше с места не стронулся. Поджидая ушедшего искать провизию извозчика, господин из «Ямской», имени которого мы так и не узнали, устало забылся в ознобной дремоте. Ему не позволили воспользоваться оружием, на которое он, в общем-то, всегда рассчитывал. Навалились сразу двое – ражие, тяжелые. Прижали, запрокинули голову. Свинцовые пальцы обхватили шею и не отпустили нужное время. Тело вытянули для удобства из возка, раздели до исподнего, оттащили в темень и быстро прикидали снегом. У дальнего костра долго ругались, деля найденное в карманах убитого. Потом пили водку и слезили песню о тяжёлой ямщицкой доле.

* * * *

Ночь. Уснувшая улочка. Земская больница. В ней – чистенькая комната. А в комнате застиранные занавески на окне, стеклянный шкаф с пробирками и микстурами, деревянная, скоблёная до желтизны, тахта у стены. Нечищенные сбитые сапоги городского в растёкшейся под ними луже приковывали внимание заспанного санитаря:

– Бог с вами, Ларион Ульяныч, какой оборванец! Мне порядочных людей велено в коридоре укладывать, а вы всё это, тряпьё какое-то подзаборное свозите. Куды девать-то его?

– Положено, Тараканов, смирись, – брякнул шашку на тахту служивый, – Который уж год лодырем здесь сидишь, а всё не раскорячишься башкой своей, что начальство строго требует осматривать таких и доклад представлять. Вдруг беглый он, а может и хуже ещё кто. Эй, вы там, заноси.

Дворники, не очень церемонясь – за руки – за ноги – втащили босого стонущего человека.

– Вишь как обделали бедолагу. Замерзал под трактиром. Шевелись, Тараканов, лампу ближе давай и лицо ему от волосьев освободи, – басыя, склонился над босяком урядник, – О, да это ж Васька татарин, извозом у «Ямской» промышляет. Знаю я такого. А ну, вывёртывай его из лохмотьев, всё, что найдёшь, суды складывай. Что это? – удивился, – Деньги? Ну-ка, пошли

отседова, – махнул дворникам. Подумав, вышел следом, – Не болтать! – зыркнул свирепо, – Понадобитесь, призову.

Санитар задрожавшими вдруг руками разглаживал листы купюр. – Сто десять, Ларион Ульяныч, откель столько? – еле слышно спросил городского.

– Давай сюды, разберёмся.

Тараканов, передавая деньги, зашептал просяще:

– Ларион Ульяныч, а может того, разделим не поровну. Могилой молчать буду.

– Знаю я тебя, худоротый, тут же к лавке припустишь. А где водка, там язык, что бабий хват в печи грохочет. Осмотри Ваську и смажь его, чем есть.

Городовой присел к столу и зашелестел купюрами. Санитар сделал ещё одну попытку:

– Десять рублёв всего, Ларион Ульяныч, за Христа ради прошу! Полицейский одёрнул его взглядом:

– Начальству сообщать надобно. Тут недавно артельщика Маругина с убийством ограбили. Не оттуда ли денежки, а, Тараканов?

Зря не поделился Ларион Ульяныч. Ну, дал бы больничному прощельге пяток целковых – много ли, если подумать? Тот после недельного загула и не вспомнил бы, откуда богатство такое на него свалилось. А сейчас – высокий кабинет, сухое лицо ротмистра. Судом пахнет. Эк, неладно-то.

– Деньги, Громыхайло, меня мало интересуют, не тряситесь. Их вы обязуетесь вернуть в казну до копеечки, не правда ли? – Мазепа ногтем мизинца приоткрыл одну из лежащих на столе папок, – Сколько там у нас изъято у пострадальца в действительности? Ага, сто десять рублей. Вы же указали в донесении только десять. Bravo!

– Бес попутал, ваше высокоблагородие, заступитесь!

– Верю, голубчик, истинно верю, – Иринарх Гаврилович был в прекрасном расположении духа, издевательски иронизировал, – Санитар показал, что предлагал вам скрыть найденное у несчастного, но вы остались тверды в отправлении своих обязанностей. Благодарю за службу!

– Рад стараться! – рявкнул городской.

«Боже, какое ничтожество, с кем приходится иметь дело», – выругался про себя Мазепа и нажал кнопку звонка.

Вошёл инспектор охранного отделения Щекутьев.

– Что возница? – спросил его ротмистр.

– Плох, Иринарх Гаврилович, распух, говорить не может.

– Скверно. А что дал розыск в трактире?

– А что он может дать? Простите. То есть, я хотел сказать: вы сами знаете, какая там публика собирается. Если что случается, сразу и слух, и зрение теряет. Некий Сила Луков вспомнил, правда, что видел вчера, кажется, Ваську татарина в кабаке, но зачем тот босым в сугроб полез, и куда его лошадь девалась, он по причине чёрного запоя отвечать не может.

– Вы Лукова этого разомните хорошенько и в тёмной подержите, может и вспомнит чего. Деньги у извозчика большие оказались. Быть того не может, чтобы это не удивило никого. И «Ямскую» проверьте. Этот Васька там, кажется, клиентов подбирал.

Щекутьев вышел, а Мазепа подошёл к Громыхайло.

– Вот что, болезный. Будешь татарина с ложечки кормить, носить на руках будешь, пока не узнаешь, откуда у него деньги такие взялись.

Городовой порозовел: пронесло вроде. Вытянулся: «Не сумлевайтесь, ваше высокоблагородие, выпытаю!»

* * * *

А Васька татарин помирал. «Антонов огонь» лизал ему ноги, липкой испариной обжигал лицо, рвался наружу криком. В палату заходил похожий на птицу-секретаря фельдшер, равнодушно приоткрывал больному веки, перебирая его костистую руку, щупал пульс. Выходя, недоумённо косился на сидящего у постели полицейского. «С чего такая честь забулдыге?» – лениво думал о Ваське. Урядник прикрывал за фельдшером дверь, неумело поправлял сползающее одеяло, нависал над чёрной головой лежащего.

– Васенька, – уже в который раз заводил жалобный скулёж, – помоги, сердешный. Вспомни верно, где денежку взял. Очень нужно. Доктор вот ноги спилить тебе собирается, а я не даю, жалею. Как можно? Человеку без ног нельзя. Освободи душу, покайся, ми-и-лай.

Васька с ужасом смотрел на шевелящиеся усы и свирепые бакенбарды «посиделки». Боль, белые стены, страшные слова незнакомца – где он? Откуда доносятся и сливаются в жутком хоре чьи-то предсмертные хрипы и плач одинокого колокольца? Мрак, холодный мрак, зачем глядит на него из маленького оконца – цепенящий, густой, влекущий? Мысли путались. Жизнь уходила.

Худо было и Громыхайло. Странно, но он не казнил себя за украденные деньги, вернуть которые – уже не вернёшь: сынок родимый (убью молокососа!) выпросил займы для покупки ценных бумаг на вырост, и промотал, как вскрылось, всё за вчерашнюю ночь в каком-то при-tone. Бог с ними, деньгами. Долгая служба и не из таких передраг научила выскальзывать. Худо, что в извозчика охранка вцепилась. Видать дело серьёзное, политическое. С этими не забалуешь. Умирая, Васька приговаривал Ларион Ульяныча к позору и, может быть, тюремной тоске. Подумав, пошёл к доктору. Вчерашний выпускник медицинского факультета заглянул в «скорбный лист» больного и снял очки:

– Зря вы здесь пропадаете. У нашего с вами подопечного бред и галлюцинации – типичные для таких случаев проявления. Как я понимаю, вы что-то желаете узнать от него? Напрасно теряете время. Летален.

– Чего, чего?

– Помрёт, говорю, скоро. Ступайте лучше домой и выспитесь.

В узком тамбурочке на выходе Громыхайло столкнулся с Таракановым. Коротко, без замаха, сунул тому кулак в подреберье, сплюнул и пнул, охнувшую от удара дверь. Что ж, остаётся одно. И он – во спасение своё – решился на обман.

По многим причинам опасаясь Мазепы, попросился на приём к Щекутьеву и полушёпотом, будто родному человеку, поведал тому предсмертную исповедь возницы. Из неё выходило, будто, подобрал Васька у «Ямской» пьяного офицера. Вёз его, вёз к «Народной аудитории», а тот взял да и выпал где-то на повороте. При этом забылись тем офицером в возке ридикюль, набитый деньгами, дамские перчатки и револьвер. «Хотя, про револьвер, может, и послышалось, – спохватился урядник и виновато забубнил, – Так уж слаб был покойник, так плох, что еле разбираю я, чего он шепчет. Упокой его душу в радости».

– Врёшь ты всё, братец, – не дослушав, подвёл итог разговора Щекутьев и по телефону позвонил кому-то. Переговорив, устался на урядника.

– Ну, что с тобой делать, хапуга? Пойдёшь, до полного разбирательства, в охранную команду. Опыт вышибать мозги революционерам у тебя есть. Но смотри: шалости свои брось, иначе под трибунал загремишь, время нынче суровое. Уразумел?

– Дык, стар я уже за ссыльными-то бегать, господин секретарь. И оклад в команде – рази ж только на сухари и хватит.

– Вот рожа! – неподдельно изумился Щекутьев, – Я его от суда спасаю, а он ногами сучит, сопротивляется. – и, не выдержав, закричал, – На рудниках сгниёшь, рукосуй, за препятствия, чинимые дознанию! Стар он уже. А деньги красть и языком молоть чушь всякую сил у тебя, шкура, хватает? Исполнять и не прекословить!

Успокоившись, вызвал заведующего отделом наружного наблюдения Дедюхина. По поручению Мазепы стал выговаривать ему:

– Чем заняты твои молодцы, Тихон Макарыч? Водкой в подворотнях греются? А вот, не хочешь ли взглянуть на циркулярную телеграмму из Петербурга? Чистейшая оплеуха! Нам – оттуда! Велят взять под негласный надзор почётного гражданина Корякова, который по сведениям департамента, является руководителем здешних эсеров и злоумышляет у нас под носом смертоубийства и экспроприации. А мы тут спим. Или чего делаем? Слыхал ты о таком Корякове?

Дедюхин вынул платок и высморкался. Стал жаловаться на плохую погоду и жалкую одежду своих подопечных. Замотали, мол, людей до обмороков. «А надзиратели, что квартальные, что вокзальные нет, чтоб в помощь придти, так они, растуды их мать, сплошь мздоимцы да тайные хищники, только и лупают глазищами, кого бы обобрать почище. Корякова того знаю. Только в городе его орлы мои не замечают. Прячется, должно быть. Дом его недалеко от винной лавки Босоногова, вот здесь, – ткнул пальцем в карту города, – Там, по нашим сведениям, верхний этаж снимает вдова покойного Жоржа Жирмунского, а полуподвал приспособлен под вывесочную мастерскую. Парень в ней молодой рекламы работает. Ничего такого вокруг дома не замечено. Хотя, живописец тот, кажется, племянником Корякову доводится или кем-то там, не знаю». Дедюхин потёр виски:

– Но я вас понял, Николай Васильич.

– Вот-вот, Тихон Макарыч, раз Коряков сам где-то затаился, значит, к парню этому приставь человека, пусть пару дней походит за ним. Может, и узнаем чего интересного.

* * * *

Молодости приписывают многие грехи: и легкомыслие, и безоглядность, и беспечность. Не забывая, впрочем, что и такие добродетели, как бесстрашие, пытливость и смекалка тоже ей присущи. «И чего мы тут всего боимся? – невесело думал Палестин, подходя к низенькому домику с резными подзорами – единственному такому в кривеньком переулке, именуемом Леонтьевский ручей, – В столицах, вон, слышно, народ чуть самодержавие не скинул, конституции добился, а мы всё болтаем да мечты строим. Надо что-то такое совершить, чтоб увидели в городе: есть и здесь сила, которая царизма не боится. Скажу сегодня об этом, а если не услышат, сам начну действовать. Вот схожу завтра же в слободу, оружие добуду. А план у меня есть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.